

социальным укладом их отечества. Отсюда и общеизвестная двойственность литературной манеры Фонвизина: полнокровная реалистическая конкретная сатира, и отвлеченные, по схемам классицизма, положительные герои (несмотря на то, что и в положительных героях «Недоросля», вероятно, Фонвизин изображал типы людей, которых он, — казалось ему, — наблюдал в жизни). Но сила социального протеста, гнева Фонвизина была так велика, ему так необходимо было «похоже» показать лицо своего врага, что он поневоле, может быть, сблизился с бунтарским предреализмом Дидро, Седена или Мерсье. В «Недоросле» он дал наброски сложных характеров, индивидуальных и, что важнее всего, социально обусловленных (Простакова, Еремеевна), создал картину быта, «среды», подлинной жизни. «Недоросль» явился одной из крупнейших побед на путях русской литературы к реализму.

Параллельно тому процессу выращивания реализма из недр наиболее передового течения в классицизме, который нашел самое яркое выражение в творчестве Фонвизина, но проявился и у Хемницера, и у Капниста, и у Княжнина, шел другой процесс накопления реалистических тенденций и элементов в творчестве «разночинских» писателей типа Чулкова (отчасти и у Ф. Эмина в его психологическом романе «Письма Эрнеста и Доравры», но иначе, чем у Чулкова). Утопическая отвлеченность мышления русских дворянских классицистов чужда Чулкову и людям его круга, не нужна им, да и не по плечу им. В теориях классицизма они разбираются не хотяя. Их интересуют не «разумные» нормы, а житейские и вовсе неразумные факты. В их творческой практике преобладает не высокая поэзия, а сюжетная проза, повесть, роман, анекдот-фацеция.

Чулков, напр., ставя перед собой задачу развлечь и поучить своего «низового» читателя, хорошо знает, что с этим читателем надо разговаривать не о пустопорожних для него отвлеченностях, а о жизни, о суровой, неприятной жизни, управляемой барам и трудно дающейся «маленькому человеку». От этой жизни некуда податься «маленькому человеку», все его интересы и помыслы — в ней, и даже сказки его, его мечты возвращают его к своему узкому, замкнутому бытовому обыденному миру. В некоторых повестях Чулкова, в его «Пригожей поварихе», мы видим характернейшие проявления этого ограниченного и все же тяготеющего к постановке реалистической проблемы склада ума и творчества. Сюда же примыкают по своему характеру сборники анекдотов, составившиеся, переводившиеся (конечно, вольно) и издававшиеся во второй половина века, сборники повестей и повестушек, опиравшихся и на фольклор и на ранние веяния буржуазного реализма, шедшие с Запада (может быть, интереснейшим из них был сборник Ив. Новикова «Похождения Ивана гостинного сына»). Во всей этой литературе, сыгравшей немалую роль в свое время, нет, разумеется, законченного и осознанного реализма, но в ней есть